

Г. Задникар

Словенские периодические издания о русской эмиграции в 1920-е годы

G. Zadnikar

Russian emigration in Slovenian periodicals in the 1920s

После Октябрьской революции мощь русской культуры проявилась с необычайной силой в эмиграции, в культурных столицах жили и творили выдающиеся представители русской интеллигенции. Русские эмигранты, которые оказались в Словении, несмотря на тяжелые условия, с которыми они столкнулись после приезда на свою новую родину, были достойно встречены представителями культуры и науки Словении. Они оказали значительное влияние на еще молодую университетскую жизнь и способствовали развитию различных художественных направлений у словенцев.

Ключевые слова: русские эмигранты, искусство, культура, наука, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Словения, средства массовой информации.

After the October Revolution, the power of Russian culture manifested itself in emigration. Prominent representatives of the Russian intelligentsia lived and worked in world cultural capitals. Russian emigrants, who found themselves in Slovenia, despite the difficult conditions that they faced after coming to their new homeland, were met with dignity by representatives of Slovenian culture and science. They had a significant impact on the still young university in Ljubljana and contributed to the development of various artistic trends among the Slovenes.

Keywords: Russian emigrants, art, culture, scholarship, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, Slovenia, media report.

*Почему мы приехали в Любляну?
Сам не знаю, что ответить на этот вопрос.
Несомненно, двигались мы по пути
наименьшего сопротивления. А во-вторых, у нас были
невероятные трудности с получением паспортов.*

V. Isajević. Velika setev
(«Jutro», 6 januar 1926)

В. Исаевич. Большой посев
(«Jutro», 6 января 1926 г.)¹

Первые большие организованные группы русских эмигрантов приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) в 1921 г.; среди городов, в которых осело наибольшее количество представителей русской эмиграции, были Белград, Загреб, Ниш, Скопье, Мостар, Осиек, а также Любляна². Представители русской эмиграции деятельностью и творчеством на новой родине после 1920 г. весьма успешно способствовали развитию культурной и научной жизни Словении. В 1926 г., после того, как в Королевство СХС прибыли первые большие группы русских эмигрантов, газета «Jutro» («Ютро», «Утро») в ознаменование «братской любви»³ (как было написано) напечатала много объемных обзорных статей, в которых давалась их характеристика и описывалась их деятельность в Словении.

Исключительно плодотворная культурная деятельность на нашей территории представителей русской эмиграции, как было особо подчеркнуто заголовком одной из публикаций, оказалась представленной двумя главными направлениями; первое касалось работы русских ученых (и студентов) в Люблянском университете, а второе было связано с деятельностью русских артистов на словенской театральной сцене. Действительно, в тот период обе эти темы были самыми важными из тех, что поднимали словенские газеты, когда публиковали материалы о русской эмиграции в Словении.

¹ Isajević V. Velika setev // Jutro. Ljubljana, 1926.06.01. Letnik 7. Št. 4. S. 9.

² Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008. S. 43.

³ V znamenju bratske ljubavi // Jutro. 1926.06.01. S. 8.

Русские эмигранты в Словении: бегство, жизнь и творчество в изгнании

В 1926 г. газета «Jutro» опубликовала всего 178 заметок, главной темой которых стала русская эмиграция в Словении; в газете «Slovenec» («Словенец») было напечатано 111 подобных статей и чуть меньше в газете «Slovenski narod» («Словенский народ», «Словенский народ») — 85 статей. Среди публикаций газеты «Jutro» о русской эмиграции почти половину составили статьи из области культуры — в первую очередь, о деятельности русских артистов и их влиянии на культурную жизнь Словении, при этом особое внимание уделялось театру и балету; а в 1926 г. в центре интересов словенской публики оказались также конкретные люди, прежде всего актриса Мария Наблоцкая и Павел Холодков, в прошлом известный баритон, солист Московской оперы. Газета «Jutro» часто писала и об успехах, лекциях и другой деятельности русских академиков (так часто называли ученых и профессоров из России. — *Прим. пер.*), а также русских студентов. Этой теме было посвящено почти десять процентов от всех статей на тему русской эмиграции; чаще всего в них говорилось о докторе Николае Михайловиче Бубнове (1858–1943), бывшем профессоре Киевского университета, ставшем ординарным профессором Люблянского университета⁴, который был одним из выдающихся представителей русской эмиграции в Словении; а также о докторе Николае Федоровиче Преображенском (1893–1970), многие годы преподававшем русский язык, а позже также ставшем экстраординарным профессором русского языка и древнерусской литературы в Люблянском университете. Наряду с этим, более половины всех статей, напечатанных газетой «Slovenec» о представителях русской эмиграции в 1926 г., касались их культурной деятельности. В том же году «Slovenec» регулярно публиковал обстоятельные

⁴ Ординарный профессор — преподавательская должность в дореволюционной России для обозначения профессора, занимающего кафедру. Экстраординарный профессор — в дореволюционной России сверхштатный сотрудник в учебном заведении, экстраординарный профессор не заведовал кафедрой и не являлся членом ученого совета факультета (*прим. пер.*).

статьи Франа Гривеца⁵ о России, частыми были объявления и сообщения о лекциях, посвященных русской культурной жизни, о новых театральные веяниях в России, также заметки о Л.Н. Толстом, о русской революции и о развитии русской живописи. Во всех трех периодических словенских изданиях, включая газету «Slovenec», регулярно анонсировались как ставший традиционным Татьянин вечер Союза русских академиков с концертом и праздничной вечеринкой для избранной русской публики в люблянском Народном доме, так и «День русской культуры», который ежегодно отмечался представителями русской эмиграции в Словении в день рождения А.С. Пушкина. В 1926 г. Народный университет в Мариборе организовал курсы русского языка, которые вела бывшая учительница гимназии Александра Андреевна Захарова, и сообщения о них регулярно появлялись на страницах газет «Slovenec», «Slovenski narod» и «Jutro». В Любляне курсы русского языка под руководством университетского преподавателя Н.Ф. Преображенского устраивала Русская матица⁶. «Интерес к русскому языку у нас растет, — написал в феврале 1926 г. один из авторов газеты “Slovenec”, — когда же возникает желание купить русскую книгу, ситуация оказывается другой»⁷. «Должно очень повезти, чтобы в местных книжных магазинах обнаружить какую-либо русскую вещьцу на интересующую тебя тему»⁸, — добавляет автор статьи. И в газете «Slovenski narod» почти половина всех статей о русской эмиграции касалась именно участия ее представителей в культурном развитии или представляла собой более общие сообщения о русской культуре у словенцев.

⁵ Фран Гривец (Fran Grivec) (1878–1963) — словенский историк-славист, католический богослов, специалист по истории Восточных Церквей, одной из основных тем его научных исследований была Кирилло-мефодиевская проблематика (*прим. пер.*).

⁶ Русская матица была создана в Любляне в 1924 г., ее первым председателем стал профессор Люблянского университета доктор А. Билимович. Задачей этой организации, членами которой являлись несколько русских профессоров (д-р Копылов, д-р Спекторский, д-р Маклецов и др.), была культурная работа среди русских эмигрантов и педагогическая деятельность, направленная на воспитание детей из эмигрантских семей (*прим. пер.*).

⁷ Mariborske knjigarne in ruske knjige // Slovenec. 1926.25.02. S. 5.

⁸ Ibidem.

В январе 1926 г. «Jutro» напечатало развернутый очерк о деятельности люблянского отделения Общества русских ученых в Королевстве СХС, который написал специально для газеты известный представитель русской эмиграции в Словении доктор Н.М. Бубнов⁹. Так, большая часть русских ученых, которые эмигрировали в Югославию, уже в 1921 г. объединились в союзы. В 1926 г. таких союзов, как сообщает Бубнов, было три: Общество русских ученых в Королевстве СХС (в 1924 г. в нем состояли 82 члена, 11 из которых проживали в Любляне); Академическое общество в Белграде, которое включало 30 человек, и Академическое общество в Загребе, в которое входили 17 членов. Кроме того, уже в 1921 г. было учреждено люблянское отделение Общества русских ученых (или академиков) в Королевстве СХС. Это Общество организовывало многочисленные лекции, а его главной задачей было, продолжал Бубнов, способствовать урегулированию недоразумений, возникающих по вопросам уровня образования русских студентов и преподавательской карьеры русских профессоров. Дело в том, что наличие в России разнообразных и многочисленных средних школ и высших учебных заведений требовало посредничества общества или его членов для прояснения вопросов о положении студентов и профессоров в университете. Поэтому по просьбе руководства Философского факультета Бубнов в 1922 г. составил перечень русских средних школ и высших учебных заведений, который послужил основой оценивания уровня образования русских студентов, у которых часто отсутствовали все необходимые документы. Наряду с этим общество играло важную роль и при выдаче удостоверений о среднем или высшем образовании русских эмигрантов, принятых на работу в государственные учреждения. Эти удостоверения выдавались на основе ознакомления с российскими документами. Общество русских

⁹ Николай Михайлович Бубнов (1858–1943) — один из ведущих представителей русской эмиграции в Словении, ординарный профессор Люблянского университета на пенсии, ранее в течение длительного времени также был заслуженным профессором Киевского университета, занимал должность декана историко-филологического факультета. Подробнее о деятельности Н.М. Бубнова в Словении см.: *Brglez A., Seljak M. Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945*, Ljubljana, 2008. S. 127–129.

академиков способствовало также взаимодействию между студентами и Государственной комиссией в Белграде по вопросу об определении степени успешности в учебе русских студентов, получавших стипендию. Дело в том, что большинство русских студентов получали стипендии Государственной комиссии, но с 1922 г. она начала назначать стипендии новым студентам только в Белграде, Суботице и Загребе. Это ощутимо снижало число приезжающих в Любляну русских студентов, а многие из них вообще уехали из страны. В мае 1923 г., как отмечал Бубнов, в Любляне было 147 студентов из России, из которых 113 получали стипендии, а уже летом 1925 г. стипендии получал только 71 студент.

По примеру русских ученых в 1921 г. свое общество создали также русские студенты, которые намеревались продолжать в Любляне прерванное революцией обучение. Общество предлагало своим членам как моральную, так и финансовую поддержку. На общем собрании русских студентов в Люблянском университете, прошедшем в ноябре 1921 г., был принят свод правил, а само общество получило название «Союз русских студентов Люблянского университета». Условия, в которых в Любляне жили и работали эти студенты, были крайне тяжелыми. В газете был приведен наглядный пример сложившейся в то время ситуации: сорок студентов, которые приехали в Любляну из Белграда, с большим трудом смогли получить неотопливаемую комнату в одном из бараков вблизи железнодорожного вокзала, где они спали на полу. «Днем они ходили на занятия, а ночью занимались при свечах в холодных комнатах»¹⁰. Студенческий Союз, как сообщалось в «Jutro», вначале объединил 110 членов: большинство из студентов обучалось на техническом факультете, несколько человек — на философском, медицинском и юридическом факультетах. Поддержку студентов из России осуществлял местный Совет поддержки русских студентов, которым руководила Терезия Енко¹¹. Именно благодаря усилиям Совета студенты из Рос-

¹⁰ Kratek pregled «Življenja ruskih študentov na ljubljanski univerzi» od leta 1921 // Jutro. 1926.06.01.S. 10.

¹¹ Терезия Енко вместе с мужем, доктором Людевитом Енко (1841–1912), в конце 1890-х гг. организовала в Любляне бесплатные курсы по изучению русско-

сии получили четыре комнаты в Люблянском замке, в которых поселились 85 человек. Также это общество предлагало некоторым учащимся бесплатные обеды и ужины. 25 января 1922 г., в традиционный Татьянин день и день основания Московского университета «Союз русских студентов» подготовил свой первый Татьянин вечер. Заработанные благодаря этому мероприятию средства пошли на создание русской библиотеки и восстановление кассы взаимопомощи, которая позднее во многом поддерживала членов Союза в период учебы. В 1923 г. Союз имел наибольшее число членов — 170 человек. Большинство тех, кто вышел из его состава, переселились во Францию, некоторые — в Чехословакию, Бельгию и Северную Америку, даже в Австралию. В 1923 г. благодаря финансовым средствам представителя фонда Американской помощи европейским студентам¹² Союз организовал собственную столовую для учащихся. В 1925 г. первым русским выпускником Люблянского университета стал студент электротехнического отделения Технического факультета Четвериков. Таким образом, как отметил в заметке, напечатанной в «Jutro» в 1926 г., секретарь организации, цель существования Союза была достигнута, его члены завершали свое университетское обучение; в самой организации в тот период было 70 человек.

Русская эмиграция в изгнании в Любляне

Наряду с академиками и студентами «страшный переворот в русском государстве, словно катастрофический по своей разрушительной силе морской вал, разнес по Европе также

го языка, которые в ноябре 1899 г. были преобразованы в кружок любителей русского языка. В нем помимо преподавания языка много внимания уделялось пропаганде русской литературы и культуры. Впоследствии благодаря усилиям супругов Енко подобные кружки были учреждены и в других словенских землях: Каринтии, Штирии, Приморье. После смерти мужа Т. Енко продолжила культурно-просветительскую деятельность, а также участвовала в организации помощи русским студентам (*прим. пер.*).

¹² Имеется в виду американская организация «АРА», или «Американская администрация помощи» (American Relief Administration — АРА), формально негосударственная организация в США (1919 г. — конец 1930-х гг.), наиболее известна своим участием в оказании помощи СССР в ликвидации голода 1921–1923 гг.; под ее эгидой действовали до 15 различных религиозных, общественных и национальных организаций США (*прим. пер.*).

труппы русских театральных актеров», — эта запись поэтично вводит читателя в развернутый обзор деятельности русских артистов-эмигрантов в Словении. Как подчеркивает корреспондент газеты «Jutro», таким образом, вал русской революции перенес нескольких русских артистов в Любляну. Белград у словенцев слишком рано забрал необыкновенную Елену Полякову, балерину и хореографа Императорского Мариинского театра в Петербурге¹³; в 1926 г. автор статьи в газете «Jutro» посетовал, что в то же самое время гениальную балерину Алису Никитину¹⁴, которая уже в 1920-е годы выступала в Любляне, теперь Берлин принял как свою, ею восхищаются Лондон и Париж. Никитина, которую в Любляне едва заметили и спокойно отпустили, стала сенсацией в крупнейших культурных центрах, добавлял тот же автор. Как отмечалось в газете «Slovenski narod», русские артисты балета в 1920 г. сильно укрепили позиции словенского балета¹⁵. «Один из одиноких лучей петербургского балетного солнца случайно озарил Любляну», — писал автор подробной статьи о балете, предварительно сообщив, что Полякова уже 12 лет танцует и воспитывает новых балерин¹⁶. Полякова способствовала «неслыханному триумфу Императорского русского балета в Европе», прежде чем «к счастью и чести нашего балета», убегая от террора больше-

¹³ Елена Дмитриевна Полякова (1884–1972), балерина, хореограф, педагог. Карьеру она начала на родине в России, затем гастролировала по Европе, позже работала в эмиграции, также в Любляне, но обосновалась в Белграде, где помимо прочего руководила балетной школой при Национальном театре; считается одной из ключевых фигур в развитии сербского балета.

¹⁴ Алиса (Alice) Никитина (1900–1978), балерина и педагог, перед самым выпуском из Императорской балетной школы вынуждена была покинуть Россию. Невольное изгнание сначала привело ее в Любляну, позже она уехала в Берлин, а в 1923 г. присоединилась к балетной труппе Сергея Дягилева «Русский балет». См.: *Nikitina A. By Herself. London, 1959.* Газета «Jutro» в 1921 г. в одной из статей так описывала ее выступление на русском художественном вечере в Люблянской Опере: «Никитина в своих лирических номерах настолько эротична и легка, что в них музыка и танец сливаются в романтическом единстве» // *Ruski umetniški večer // Jutro. 1921.17.04. S. 2.*

¹⁵ «Будущий сезон для нашего балета обещает большой прорыв. Помимо уже имеющихся четырех прим-балерин получили ангажемент выдающиеся русские актрисы: госпожа Полякова и мадмуазель Никитина». См.: *Balet Narodnega gledališča v Ljubljani // Slovenski narod. 1920.28.08. S. 3.*

¹⁶ *Balet // Slovenski narod. 1921.19.06. S. 1–2.*

виков, задержалась у нас. С ней вместе приехала ее «прекрасная, одаренная коллега» Алиса¹⁷.

Балетное искусство словенцы начали развивать только после Первой мировой войны и именно в рамках Национального театра, как писал в специальной статье корреспондент газеты «Jutro», анализируя ситуацию, сложившуюся в балете. «На первом этапе балет создавался как некий дополнительный реквизит для оперы и имел абсолютно декоративный характер»¹⁸. В период театрального сезона 1920/1921 г. в Любляну, как уже было сказано, приехали балерины Елена Полякова и Алиса Никитина. Полякова, которая была одной из лучших танцовщиц Императорского Мариинского театра, оставалась в Любляне короткое время. Однако и «этого оказалось достаточно, чтобы развитие нашего балета приняло правильное направление, в рамках которого развивался, освобождаясь от закостенелых французских форм, свободный русский балет», писала газета «Jutro». Под профессиональным руководством Никитиной — по убеждению автора словенского издания — словенский балет поднялся на уровень балетных трупп в Загребе и Белграде. Дело в том, что Никитина со своим незабываемым танцем умирающего лебедя сделала шаг вперед по сравнению с Поляковой, которая, представляя русский классический балет, не смогла в создаваемых ею образах достичь полной раскрепощенности¹⁹.

В 1926 г. в Любляне в качестве примы-балерины и педагога «на поприще нашего скромного балета», как сообщала газета «Jutro», выступала также Тулякова²⁰, молодая танцовщица

¹⁷ Balet // Slovenski narod. 1921.19.06. S. 1–2. Несмотря на профессиональную подготовку и одаренность, обе актрисы в Любляне с большим трудом добывали средства к существованию, поскольку не имели достаточно предложений для выступлений. Последнее подтверждает «Slovenski narod»: «Весьма жаль, что в прошедшем сезоне у них было так мало возможностей очаровывать нас своим искусством. Поскольку без них мы пребывали и пребываем в состоянии дилетантства...». Ibid. См. также: «Poljakova in Nikitina, dve zvezdi v mraku» // Slovenski narod. 1921.21.06. S. 1.

¹⁸ Slovenski balet // Jutro. 1926.31.01. S. 11.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Тулякова Мария Александровна. В 1925 г. была приглашена в Любляну в качестве солистки балета и преподавателя кордебалета, а также выступала как хореограф при постановке опер и оперетт. В 1927 г. переехала на работу в Белград.

с серьезными творческими амбициями, обладающая высоким профессионализмом и незаурядными педагогическими способностями. Если еще добавить имя режиссера Осиповича²¹, работавшего в Драматическом театре, а также обладающего приятной внешностью Головина²² и некоторых членов оперной труппы и оркестра, мы увидим, что «наши» русские имеют заслуги также перед словенским театром, которые и ныне оцениваются как значительный вклад в историю словенской культуры. «Наши» русские артисты, как не раз отмечалось в газете, оказали исключительно благотворное влияние на словенский репертуар, который обогатился новыми драматическими и оперными шедеврами.

Когда в 1920 г. в Любляну приехала русская театральная группа Муратова²³ и подготовила несколько превосходных постановок, среди лучших в труппе сразу же был выделен Борис Путята. Руководство Люблянского театра предложило ему ангажемент, и Путята за короткое время прекрасно освоил словенский язык. О том, насколько хорошо он писал по-словенски, свидетельствуют и его фельетоны для театральной рубрики газет «Gledališki list» («Гледалишки лист») и «Jutro»²⁴. На сцене Люблянской Драмы Путята проявил себя как исключительно одаренный актер, каких, как отметило «Jutro», после

²¹ Вероятно, речь идет о Николае Осиповиче Массалитинове (1880–1961), русском и болгарском театральном деятеле, актере, режиссере, педагоге, народном артисте НРБ (1948). В 1924 г. группа артистов Московского Художественного театра под руководством М.О. Массалитинова и М.Н. Германовой побывала с гастролями в Югославии (в том числе в Любляне) и Болгарии. С 1925 г. Н.О. Массалитинов вместе с семьей поселился в Софии по приглашению Министерства просвещения Болгарии, которому были подведомственны все театры страны, и приступил к работе режиссера драматической труппы Национального театра (с 1925 г. — главный режиссер труппы) (*прим. пер.*).

²² Головин (Грессеров) Петр Сергеевич (1894–1981) — артист балета, режиссер, хореограф; в 1924–1928 гг. выступал в балетной труппе Словенского национального театра оперы и балета, а позже до 1946 г. руководил ею (*прим. пер.*).

²³ Муратов Михаил Яковлевич (1885–1944) — бывший актер Московского Малого театра. После Октябрьской революции в 1919 г., находясь в Константинополе (Стамбуле), он пришел к мысли о необходимости создания русского театра в изгнании. М. Муратову удалось собрать труппу и совершить с ней гастроль по Балканским государствам (*прим. пер.*).

²⁴ Например: *Putjata B. Ali je res gledališče umetnost? // Jutro. 1926.06.01. S. 10.*

Борштника²⁵ у нас больше не было. «Он был великим артистом в русской драме и французской комедии. Как режиссер воспитывал молодых актеров и за почти четыре года сыграл более 20 крупных ролей. При этом также поставил “Идиота” и “Анну Каренину”»²⁶. С 1922 г. на сценах словенских театров начала выступать Мария Наблоцкая, «прекрасная русская актриса, которая в “Идиоте” пережила свой первый триумф, а позже в роли Анны Карениной заняла первое место среди актрис, выступавших на словенской сцене», — продолжала газета свои дифирамбы русским актерам-эмигрантам, оказавшимся в Словении. «Госпожа Наблоцкая-Путята всегда интересна, сильна, современна как исполнительница, она преподносит все свои роли, и в первоначальном, и в переработанном виде, с психологическими и реалистическими максимально тонкими подробностями»²⁷. Как писали авторы статей в «Jutro», мы, словенцы, действительно можем гордиться, что она была у нас, и лишь жалеем, что ее репертуар не дал ей достаточно возможностей для полной реализации всех ее способностей.

Опера также стала полем деятельности для замечательных русских певцов и певиц. Незабываемая Ада Полякова, которая гастролировала в Любляне и, особенно в заглавной роли оперы «Мадам Баттерфляй», представила образ идеальной красоты. Александр Балабан, обладавший баритоном прекрасно-го певческого и драматического качества, вошел в ансамбль оперных солистов, став одним из столпов молодой словенской оперы. В 1925 г. Балабан работал уже в Белградском оперном театре, а его место занял превосходный русский баритон Борис Попов, «исключительно симпатичный артист внушительной силы голоса и артистизма, певец, каких и вправду было мало в истории словенской оперы», — с воодушевлением писал автор статьи в «Jutro». И снова — его забрал Белград. После отъезда Балабана, — сообщает он далее, — мы в Словении удостоились особого счастья обрести еще «баритона Холодкова и обладате-

²⁵ Борштник Игнаций (1859–1919) — словенский актер, режиссер и драматург.

²⁶ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

²⁷ Ibidem.

ля драматического тенора Орлова»²⁸. Некогда первый баритон Московской оперы Павел Холодков²⁹ воодушевлял словенскую общественность своей «блестящей школой, звенящими высокими нотами, выразительной характерностью пения и игры, а также образами, достойными самых лучших сцен»³⁰, а тенор Дмитрий Орлов как начинающий певец обещал блестящее будущее.

* * *

Русская эмиграция и ее деятельность в области культуры и науки оставила колоссальный след в европейских странах их пребывания, несомненно, и на словенской земле сохранился ее нестираемый отпечаток. Большинство русских, приехавших в Королевство СХС после 1921 г., жили в условиях материальных лишений и неустроенности. Периодические издания регулярно сообщали об их тяжелом социальном положении, гуманитарных акциях, направленных на их поддержку; их судьбы часто становились темой «черной» (криминальной) хроники. В подобных условиях художественная деятельность и творчество, безусловно, не могли быть легкими. Однако, несмотря на это, в своей профессии они были исключительно успешными и оставили значительный след в памяти словенцев. «Наши русские артисты» и «наши русские ученые», как их часто называют в газетных статьях, были в Словении достаточно хорошо приняты, несмотря на то, что они, будучи чужаками, иногда подвергались нападкам критиков — во всяком случае, это случалось в начале их пребывания на словенской земле. Культурная и научная деятельность русских эмигрантов в словенских землях была разносторонней, она необычайно освежила еще молодую университетскую жизнь и способствовала развитию ряда научных и художественных дисциплин. Вот почему один из авторов газеты «Jutro» без колебаний признал, что «их на-

²⁸ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

²⁹ «Г-н. Холодков — любимец люблянской публики, который также с огромным успехом выступал в Загребе и Белграде». См.: Koncert «Ruska pesem» na Ljudski univerzi // Jutro. 1926.02.02. S. 9.

³⁰ Ruski umetniki v Ljubljani // Jutro. 1926.06.01. S. 10.

циональная трагедия» была для словенцев действительно «к счастью». Во всяком случае, двадцатые годы XX в. стали тем временем, когда и в Словении очень сильно ощущались сила и влияние русской эмиграции. Сразу же после Октябрьской революции и переезда на новую родину среди эмигрантов еще сильна была надежда, что на чужбине они оказались лишь временно и скоро вернуться домой. Эта уверенность, несомненно, придавала их деятельности и творчеству необычайный импульс, даже черты особой «миссии» — сохранения культуры той России, которая уходила в небытие.

Перевод со словенского Т.И. Чепелевской